

На вид движения рук Фань Сяня были грубыми и неуклюжими. Его ладони рубили то горизонтально, то вертикально, словно кухонный нож, — где тут место изяществу? При каждом движении ладонь притворно поднимала яростный ветер, со свистом рассекая воздух, что выглядело жёстко, но удары раз за разом приходились по воздуху вокруг Хайтан, даже не прикоснувшись к её коже, от них лишь колыхались полы её домотканой одежды.

Что это за метод? Это приёмы товарища У Бая** — когда он выходит на сцену петь, то размахивает руками словно вентилятор, — или Чжоу Синсина***, который сыплет бумажные конфетти в воздуходувную машину и распускает застёжки халатов и на главных героях, и на второстепенных.

Одежды Хайтан подобны облакам, бурлящим на поднятом его ладонями ветру. На озарённом водными бликами длинном возвышении она с лёгкой улыбкой, подобно прекрасной фее, такой воздушной, что может вскочить на облако и улететь, направляла свои удары то туда, то сюда, то неизвестно куда. Это не были обманные приёмы с отвлечением внимания, это были удивительные способности юной девушки перехватывать инициативу.

Неизвестно, сколько раз они обменялись ударами, но всё так же без огонька, и раз они не хотели допускать кровопролития, то, естественно, наносили более лёгкие удары — точно так же как в постную еду при храме жалеют добавить даже соевое масло, так и их сражение выглядело постным до отвращения...

Даже молодой евнух мог заметить, что два мастера дрались притворно, не говоря уже о сидящих в зале старой лисице, маленьком лисёнке, лисах-самцах, лисах-самках и странного рода лисах, что не были ни самками, ни самцами. Некоторые придворные с остекленевшими взглядами не могли даже представить, что барышня Хайтан и Фань Сянь способны вести себя столь бесстыдно и небрежно, совершенно не заботясь о дворцовых приличиях.

Вдовствующая императрица посмотрела на пару ярко освещённых фигур на длинном возвышении и невольно хмыкнула. Хотя она не потеряла самообладания, но в тонких морщинках в уголках её глаз скрывался гнев. Молодой император, напротив, не мог сдержать улыбку, глядя, как его тётушка-наставница и сановник Фань носятся туда-сюда.

Лан Тао наблюдал за этой сценой со спокойным лицом, однако он понимал, что неуклюжие на вид движения Фань Сяня на самом деле могучий «большой расколотый гроб». Но ведь это было искусство, передававшееся в семье Е из Южной Цин, как этот мальчишка Фань смог овладеть им?

Полные ожиданий зрители в зале и снаружи в конце концов разочаровались. После долгого зрелища некоторые не сдерживали зевоту. Евнух, стоявший впереди, невольно покачал головой и сказал:

— Даже не знаю, сколько они будут драться, всё равно победителя не определить.

Ван Цинянь тоже покачал головой с большой досадой:

— Я думаю, кто-то скоро прикажет остановиться.

Молодой евнух недоверчиво спросил:

— Все господа в зале — разумные люди, кто же захочет высовываться?

Ван Цинянь начал препираться с ним, а потом даже стал делать ставки на то, когда два человека, танцующие на длинном возвышении, остановятся. Заметив их оживление, несколько человек поблизости тоже присоединились к ним со своими ставками: тележка морских ежей, два огурца и прочие странные заклады.

— Безобразие!

Глядя на мрачающее лицо вдовствующей императрицы, один сановник, наконец, не смог сдержаться — он стукнул по столу, встал и сердито крикнул:

— Это пир по случаю дня рождения вдовствующей императрицы, что вы тут вытворяете? Неужто пытаетесь обмануть императора?

Прозвучало это не очень-то уместно, словно слова того глупого мальчишки, кричащего: «Король-то голый!» Каким бы отвратительным ни был этот мир, но тот, кто рвётся сообщить всем об этом, совсем не вызывает ничьих симпатий. Вот и сегодня вдовствующая императрица ясно понимала, что Фань Сянь и Хайтан забавляются с техникой духовного меча, но всё смотрела на это невозмутимо, не пытаясь их разоблачить: в конце концов, сегодня её день рождения и не так уж сложно посмотреть, как детишки танцуют.

Но разве, когда сановник закричал об обмане императора, не разозлил он вдовствующую императрицу? Итак, вдовствующая императрица собралась выйти из себя; она холодно посмотрела на министра, а в голове её вертелось множество мыслей о том, как бы разнести в пух и прах его речи.

Император продолжал улыбаться.

Двое на возвышении посреди бассейна, казалось, вообще не слышали возмущения публики и всерьёз продолжали представление. Хайтан летала тут и там, Фань Сянь выступал, словно дракон или тигр, у барышни прекрасная фигура, Фань Сянь изящен обликом — бой выглядел очень красиво. Однако всего за мгновение бой переместился с возвышения в переднюю часть зала за ним, всего в нескольких чжанах от трона, чтобы остановиться прямо перед столом того сановника.

Ладонь Фань Сяня словно превратилась в кухонный нож, который жёстко ударил по пустой разделочной доске. Фань Сянь ойкнул, как будто промахнулся.

Хайтан будто застыла в воздухе, сомкнула два пальца правой руки и с усмешкой направила их, словно меч, собираясь ударить Фань Сяня в грудь.

И неизвестно, как они изменили свои позиции, но в следующий момент ни ветер, поднятый ладонью, ни сила пальцев не пронзили ничьё тело. Вместо этого они яростно просвистели и двинулись назад.

Сзади находилось место того сановника.

Тот был в ужасе: Хайтан и Фань Сянь напали одновременно. Даже если бы императорский наставник Ку Хэ явился лично, ему пришлось бы переждать эту атаку!

Низкий столик в одно мгновение разлетелся в щепки, стоявший на нём кувшин вина треснул, посуда попадала, напитки и закуски усыпали всё вокруг мясными цветами, пачкая голову и лицо сановника! Цветная капуста торчала в бровях, резные украшения из редьки застряли во рту, несколько грибов-золотых нитей повисли на ушах, в лицо плеснуло похлёбкой — настолько жалкое зрелище, насколько это возможно.

В зале тут же стало тихо, и придворные поняли, что, оказывается, барышня Хайтан и посланник с юга сейчас просто проказничают, и ради собственного достоинства предпочли промолчать.

Среди яркого света и тишины Фань Сянь и Хайтан одновременно остановились, разделённые несколькими шагами, и чуть улыбнулись друг другу.

Хайтан слегка поклонилась вдовствующей императрице и сказала:

— У господина Фаня поразительно выходит «расколотый гроб», я не могу ничего с ним поделать, оттого и промахнулась, затронув этого господина. Надеюсь, ваше величество простит меня. Рука человека может промахнуться...

Лицо Фань Сяня тоже отражало вину. Он продемонстрировал правую руку, помахав ей, и добавил:

— И копыто коня тоже может соскользнуть...

Вдовствующая императрица очень любила Хайтан и не стала бы её винить. Кроме того, сегодня

был её день рождения, так что пошуметь, чтобы разрядить напряжение, было совсем не плохо. Жаль только, что не довелось доставить трудностей южанам. Однако наблюдать за Фань Сянем, подшучивающим над самим собой, было интересно, и уголки её губ невольно поползли вверх в намёке на улыбку.

Император тоже странно улыбнулся, и придворные рассмеялись, хотя и несколько неловко. Только настоящий мастер боевых искусств мог понять, что эта, казалось бы, шуточная схватка на самом деле таила в себе кое-какие намерения двух молодых мастеров. «Большой расколотый гроб» выглядит неуклюже, но на самом деле он убийственный. Палец-меч Хайтан на вид мягок, но на самом деле точен. Танец на длинном возвышении на самом деле стал своего рода соревнованием, и в конце концов Фань Сяню начало казаться, что он проиграл.

Притворное сражение уже закончилось, и яркий свет с потолка заливал пустую середину огромного зала. Фань Сянь и Хайтан стояли как раз там, и их лица в этом свете выглядели очень мягко. Блики от потолочного фонаря в виде полумесяца отражались в воде бассейна.

Это соревнование можно описать как «то вверх, то вниз, то лёгкий смех, то лунный свет блеснёт в воде, а то у всех смущение во дворце».

Ночь медленно окутала внутренние покои, и полумесяц постепенно поднялся из-за зелёных холмов, омывая своим слабым мягким светом императорский дворец Северной Ци, придавая длинным чёрным карнизам и двухцветным серо-белым стенам очарование позднего вечера.

Перед главным залом как раз толпились придворные, выходящие из дворца, вокруг дворцовых стен можно было увидеть множество стражников, а вдоль дороги ожидали приказаний несколько евнухов. Придворные удалились очень быстро, и вскоре во дворце воцарилась тишина. На необъятной площади не было видно посторонних: всего лишь за время одной палочки благовоний чрезвычайное оживление сменилось полным покоем.

После пира вдовствующая императрица, потирая виски, вернулась в опочивальню. Однако император Северной Ци оставил Фань Сяня ждать во дворце Хуаин. Здесь было очень тихо, и до его носа доносился слабый запах горящих благовоний, очищающих сердце. Сосредоточив взгляд на кончике носа, а обоняние на сердечном центре, Фань Сянь сидел и думал о том, что император в это время должен проявлять сыновнюю почтительность во дворце вдовствующей императрицы, и неизвестно, для чего ему велели ждать здесь.

Служанки принесли ему чай и фрукты, и Фань Сянь с улыбкой поблагодарил каждую. Он заметил, что все они просто очаровательны, особенно же смущённое выражение их глаз заставило его сердце забиться чаще.

Но подумав, что молодой император оставил его ночью во дворце, и вспомнив, что у императора, похоже, есть некоторые проблемы кое в чём, Фань Сянь почувствовал холодок на сердце.

— Его величество хочет попросить кое-какой помощи у господина Фаня, — спокойно сказала ещё одна смущённая барышня, стоявшая рядом с ним и, казалось, угадавшая его страхи. Это, естественно, была Хайтан: Фань Сянь остался во дворце в качестве гостя, она же здесь была наполовину хозяйкой. Сейчас, вспоминая сцену в главном зале, она чувствовала себя немного неловко. Почему, когда они с Фань Сянем оставались наедине, всегда казалось, что они начнут безобразничать больше обычного?

Фань Сянь слегка улыбнулся, ничего не объясняя.

За стенами дворца что-то крикнул евнух, и стало слышно, как к дворцу Хуаин приближаются быстрые и уверенные шаги. Фань Сянь задумался: что за спешка? Какую помощь хочет от него этот молодой император? Он высочайшего императорского рода, и, помимо объединения Поднебесной, он, пожалуй, и сам может справиться с чем угодно.

Пока он предавался сомнениям, молодой император уже вошёл во дворец Хуаин. Взмахом руки он остановил попытку Фань Сяня и Хайтан поклониться ему, правой рукой развязал свою верхнюю накидку и бросил её ревностно следовавшему за ним молодому евнуху. Лёгкие простые нижние одежды жёлтого цвета выглядели очень жизнерадостно. Сразу после этого император сел на мягкую кушетку, приподнял обе ноги, и молодой евнух осторожно снял с него мягкие сапоги, обнажив ступни в тонких носках.

Хайтан, вероятно, привыкла к облику императора в неофициальной обстановке, поэтому вовсе не удивилась. Фань Сянь же был немного поражён тем, что император Северной Ци действительно показал ему своё человеческое лицо. Не скрывая своего удивления, Фань Сянь бросил взгляд на кушетку. Он даже сознательно или бессознательно кинул взгляд на грудь и на ноги императора.

Не большая, не маленькие.

Грудь не большая, ноги не маленькие.

* Из стихотворения Чэнь Хана (1785-1826, Цин)

** У Бай — тайваньский рок-певец (1968 года рождения)

*** Чжоу Синсин — киноперсонаж гонконгского комедийного актёра Стивена Чжоу (1962 года рождения)

<http://tl.rulate.ru/book/96718/4088758>